

После обеда Се Нань велел Лу Шэну лечь на кровать — пришло время менять повязки. Но едва тот скинул халат, обнажая спину, у Се Наня перехватило дыхание. Вся кожа была иссечена багровыми, пересекающимися полосами. Почти везде раны уже затянулись темной коркой, но в нескольких местах всё ещё сочилась розовая сукровица. И ведь этот упрямец уверял старую госпожу, будто всё давно зажило! Какое там зажило...

Под одеждой на правом плече Се Наня всё ещё белели плотные слои марли, но нанести мазь сил у него хватало.

Когда прохладное снадобье коснулось израненной кожи, Лу Шэн всё же тихонько зашипел от боли. Рука Се Наня даже не дрогнула. Зачерпнув пальцами ещё одну добрую порцию мази, он бережно распределил её по спине мужа.

— Потерпи немного. Раны уже затягиваются. Корочки сойдут, и всё наладится.

— Знаю... — глухо отозвался Лу Шэн. — Но печёт немилосердно.

Се Нань на мгновение замешкался. Закончив с мазью, он тщательно вымыл руки и подошел к столу, где стояло несколько блюдец с цукатами. Взглянув на бледное лицо Лу Шэна, который лежал с закрытыми глазами, страдальчески нахмутив брови, Се Нань взял один засахаренный фрукт, вернулся к постели и негромко предложил:

— Хочешь цукат? Сладкое перебьет горечь, может, и боль поутихнет.

Лу Шэн приоткрыл глаза и увидел прямо перед собой лакомство. В его взгляде промелькнуло удивление, но в следующий миг он перестал хмуриться и улыбнулся. Не говоря ни слова, он придвинулся и слизнул цукат вместе с кончиками пальцев Се Наня.

— Ты что творишь! — Се Нань вспыхнул и отдернул руку.

Лу Шэн тут же разжал зубы, довольно сощурившись. Вид у него сейчас был до того шкодливый, точь-в-точь как у кота, укравшего сметану, что Се Нань невольно засомневался: неужели этот человек — тот самый деспот, который силой взял его в жены, холодно третировал и безжалостно сек плетью?

Собственную рану на плече Се Наню не нужно было перевязывать каждый день — достаточно было в назначенный срок показываться врачу в больнице. Так что теперь у него появилось свободное время. Вот только руки праздновали леность, а разум продолжал лихорадочно работать.

Лежа на дне ущелья, Се Нань отчаянно молился о спасении, обещая себе: если уцелеет, то будет ценить каждый прожитый миг. Смерть обошла его стороной, и жажда жизни вспыхнула в нем с новой силой. Теперь нужно было думать, как устроиваться в этой новой реальности.

Писательство было не просто его ремеслом — оно было его мечтой. И пусть эпоха сменилась, отказываться от пера он не собирался. Но как здесь публикуют романы? Оценят ли его слог люди этого времени? Будущее казалось Се Наню непроглядным туманом, сквозь который невозможно разглядеть верную дорогу.

Он невольно вздохнул.

— О чем вздыхаешь?

Лу Шэн, оказывается, и не думал спать. Он чутко ловил каждое движение Се Наня и, услышав этот тихий, полный тоски вздох, не удержался от вопроса.

Се Нань обернулся. В конце концов, Лу Шэн вырос в этом мире и наверняка смыслил в подобных вещах больше него.

— Не подскажешь, как в наших краях издают книги? Ну, если кто-то написал роман и хочет его опубликовать.

— Хочешь напечатать свою рукопись? — Лу Шэн сразу понял, о чем идет речь. Воспоминание о тех исписанных листах заставило его нахмуриться. Взгляд мужчины потяжелел. — Зачем тебе это?

Реакция мужа показалась Се Наню странной.

— Как это зачем? Писатель пишет для того, чтобы его читали. И, разумеется, чтобы зарабатывать этим на жизнь.

— Разве денег поместья Лу тебе мало? Зачем тебе сдались собственные гроши? — В голосе Лу Шэна вновь прорезались прежние властные, деспотичные нотки. Он буравил Се Наня тяжелым, испытующим взглядом, больше всего на свете боясь услышать в ответ: «Скоплю денег и уйду от тебя». — Раз уж ты стал моим супругом, тебе незачем думать о зарплате. Понадобится что-то — просто скажи, я дам сколько нужно. К тому же, после нашей свадьбы матушка отпишет мне долю в лавках. Ты моя жена, вот и заберешь их под свое крыло. Будешь вести дела, если станет скучно.

Се Нань нахмурился, прямо встретив этот давящий взгляд.

— Лу Шэн, ты, кажется, кое-что путаешь.

— Что именно?

— Я мужчина. А ты требуешь, чтобы я заглядывал тебе в рот, бездельничал, тратил твои деньги

и изредка навевался в лавки ради забавы. Ты хочешь лишить меня дела, лишить стремлений. За кого ты меня принимаешь? Думаешь, я соглашусь запереть себя в четырех стенах, чтобы на пару с другими женами пить чай и перемывать кости мужьям, считая их любовниц?

— Я... я вовсе не это имел в виду! — Лу Шэн рывком сел и мертвой хваткой вцепился в предплечье Се Наня. Он посмотрел на него с отчаянной, болезненной нежностью. — Я просто не хочу, чтобы ты изнурял себя работой.

Се Нань сделал глубокий вдох, силой подавляя закипающий гнев, и твердо посмотрел в лицо мужу.

— Лу Шэн! Раз уж мы заговорили об этом, давай проясним всё раз и навсегда. Если ты действительно хочешь прожить со мной жизнь, смились: у меня будет свое дело, свои друзья и свои увлечения. Я не твоя вещь и не твое украшение. И если однажды я пойму, что между нами ничего нет, я уйду. Уйду сам, и мне не понадобится твое разводное письмо!

— Да как ты смеешь!..

— Если ты не способен этого понять, нам двоим не суждено быть вместе, — отрезал Се Нань. Он с силой разжал пальцы Лу Шэна, высвободил руку и шагнул к выходу.

— Се Нань! Стой, не смей уходить!.. — Лу Шэн рванулся следом, но зацепился раненой ногой за стул и с глухим стуком повалился на ковер.

Се Нань замер у самой двери. Он обернулся, посмотрел на распластавшегося на полу мужчину, но подходить и помогать ему подняться не стал.

— Не суетись. Я не сбегаяю. Нам обоим нужно остыть, а тебе — хорошенько обдумать мои слова.

С этими словами он переступил порог.

Лу Шэн смотрел вслед уходящему Се Наню, и ледяной ужас потери контроля заставил его мелко задрожать. Мысль о том, что Се Нань может выскользнуть из его рук, была невыносимой. Ему хотелось запереть этого упряма, оградить от всего мира, оставить только себе. Против писательства он ничего не имел — наоборот, ему безумно нравилось читать исписанные аккуратным почерком листы. В этих строках сквозила истинная душа Се Наня, совсем не похожая на ту холодную броню, которую тот выставлял при личных разговорах. Лу Шэн упивался этой тайной возможностью заглянуть в самые сокровенные уголки его мыслей. Ему казалось, что эти тексты — их личный, интимный мир, предназначенный лишь для его глаз.

Но теперь Се Нань вознамерился напечатать роман. Значит, любой прохожий за пару монет сможет купить его душу. Значит, Се Нань обретет независимость, сможет сам кормить себя. И

тогда Лу Шэн окончательно потеряет над ним власть.

В комнату торопливо зашел Гуйсэн и так и замер у порога:

— Пресвятые предки, молодой господин! Как же вас так угораздило?

— Помоги мне встать! — процедил Лу Шэн.

— Да-да, сейчас, сию минуту!..

Выйдя из покоев, Се Нань побрел по дорожкам павильона у воды. Здесь сады были дивно хороши, но красота не радовала глаз. В этом чужом, застрявшем во времени мире каждый шаг давался ему с невероятным трудом. Единственным человеком, на чье плечо он мог хоть как-то опереться, оставался Лу Шэн. Но если и тот решит не помогать, а лишь свяжет по рукам и ногам... Се Нань не знал, найдет ли в себе силы двигаться дальше.

Налетевший порыв ветра сорвал с ветвей пожухлые листья, и они беззвучно закачались на зеркальной глади пруда. Се Нань остановился, медленно подобрал полы длинного халата и опустился на колени прямо на острые, холодные камни мостовой. Не замечая впивающейся в плоть гальки, он устремил взор к блеклому осеннему небу, опустил руки вдоль тела и склонил голову до самой земли.

"Небеса, — мысленно взмолился он, — раз уж вы спасли меня от бездны, раз не дали разбиться насмерть в том ущелье... значит, в вашей милости есть для меня место? Умоляю, укажите мне дорогу. Подарите надежду!"

Первый поклон.

"Я прожил двадцать восемь лет и никогда не кривил душой, не творил зла. Смилуйтесь надо мной, дайте мне шанс выжить здесь!"

Второй поклон.

"Я мужчина, но меня насильно сделали чужой женой. Лу Шэн заботится о моем теле, но я прошу лишь об одном: пусть он поймет мою душу. Помогите достучаться до его сердца, дайте мне дышать свободно!"

Третий поклон.

Вышедший из дверей Лу Шэн, опираясь на плечо слуги, замер при виде этой картины. Гуйсэн открыл было рот, чтобы окликнуть хозяина, но молодой господин сжал его плечо, приказывая молчать. Слуга лишь покорно прикусил язык.

Глядя, как Се Нань, подобно запертому в клетку зверю, молит небеса о пощаде и свободе, Лу Шэн почувствовал, как сердце заныло тупой болью. Неужели он действительно переступил черту?

Ведь он просто боялся его потерять. Хотел уберечь от невзгод, окружить заботой, дать всё, что было в его силах. Неужели стремление защитить любимого человека — это преступление?

Лу Шэн слегка качнул рукой, веля слуге уводить его назад.

Вернувшись в покои, Гуйсэн усадил хозяина в кресло и поспешно налил ему чашку горячего чая. При этом парень то и дело косился на Лу Шэна, явно сгорая от желания высказаться.

Заметив это, Лу Шэн устало прикрыл глаза:

— Говори уже, не томи.

Получив дозволение, слуга затараторил, едва не заикаясь:

— Молодой господин, я... я... мне так жаль старшую молодую госпожу! То есть... Се Наня! — Он робко заглянул в лицо хозяина, но продолжил: — Ну правда ведь! С тех самых пор, как он переступил порог нашего дома, разве он видел хоть один спокойный день? Одно горе да побои! А как он сейчас стоял на коленях перед небом... Он ведь мужчина, гордый, сильный, а тут... Аж сердце кровью обливается! Древние ведь говорили: достойный муж рожден для великих дел, а не для золотой клетки. А он теперь... Молодой господин, ему же невыносимо так жить! У-у-у... — Под конец Гуйсэн и вовсе жалобно шмыгнул носом, утирая набежавшие слезы.

На душе у Лу Шэна и без того скребли кошки, а причитания слуги лишь подливали масла в огонь.

— Прекрати сырость разводить. Сам всё вижу. Ступай.

— Слушаюсь, — шмыгнул носом Гуйсэн и поспешно юркнул за дверь.

Лу Шэн сжал теплыми ладонями фарфоровую пиалу и устремил задумчивый взгляд в окно, на бескрайний небесный простор.

«Достойный муж рожден для великих дел... Неужели моя любовь и впрямь стала для тебя цепями?»

Поздним вечером, когда Се Нань вернулся в спальню, Лу Шэн уже лежал в постели, отвернувшись к стене. Тихо вздохнув, Се Нань умылся и бесшумно скользнул под одеяло, стараясь не потревожить раненого. Но едва его голова коснулась подушки, как он властно

привлек его к себе, прижимая к горячей груди.

Се Нань замер.

В темноте раздался тихий, слегка охрипший голос. Горячее дыхание коснулось уха Се Наня:

— Я весь день думал о том, что ты сказал... Хочешь свободы? Хорошо, будь по-твоему. Я дам тебе всё, чего ты пожелаешь. Если хочешь издать свою книгу — я помогу.

В груди у Се Наня потеплело от неожиданной радости. Он не знал, что заставило этого упрямого собственника так быстро переменить решение, но дела явно принимали лучший оборот.

— Спасибо, — искренне шепнул он.

— Не спеши благодарить, — Лу Шэн сжал объятия чуть крепче. — Взамен на твою свободу мне нужна лишь одна плата. Твое сердце. Отдай мне свое сердце, Се Нань. Большого мне не надо.

Се Нань вздрогнул, чувствуя, как бешено заколотилось сердце.

Прежде чем он успел осмыслить услышанное, Лу Шэн бережно, но властно повернул его лицо. Лу Шэн накрыл его губы требовательным, обжигающим поцелуем. И в этой бархатной темноте ночи прозвучал тихий, полный непоколебимой решимости шепот:

— Я буду ждать. Столько, сколько потребуется, пока ты сам не отдашь его мне.

В прежние дни, пока Лу Шэн и Се Нань восстанавливали силы в больнице, виновникам покушения удалось отделаться лишь стоянием на коленях в родовом храме. Никаких иных мер к Лу Чэну и Лу Шану временно не применяли. Но теперь, когда хозяева вернулись в павильон у воды, пришло время вынести окончательный приговор.

Родовой храм семьи Лу

Едва переступив порог святилища, Се Нань кожей ощутил давящую, торжественную строгость этого места. Из уважения к предкам он не смел открыто крутить головой по сторонам, а лишь послушно следовал за спиной Лу Шэна, украдкой разглядывая убранство. «Так вот ты какой, родовой алтарь», — мысленно отметил он.

В глубине залы ровными рядами, возвышаясь друг над другом, стояли потемневшие от времени поминальные таблички предков — не меньше пяти-шести ярусов. Перед ними тускло мерцали

толстые красные свечи, испуская тонкие струйки сизого дыма. Чуть поодаль убранство напоминало парадную гостиную: вдоль стен тянулся ряд массивных кресел из лакового дерева. На почетных местах восседали старая госпожа Лу и несколько седовласых старейшин рода, чей суровый вид внушал трепет. Се Наню и Лу Шэну отвели места у самого входа, на приставных стульях.

Что и говорить, перед этими почтенными патриархами они оба выглядели слишком молодыми и незначительными, чтобы подавать голос без разрешения.

В стенах родового храма даже власть старой госпожи Лу переставала быть абсолютной — здесь любые важные решения принимались лишь с согласия совета старейшин. Пожилой мужчина, сидевший по правую руку от хозяйки дома на самом почетном месте, окинул присутствующих строгим взглядом и, убедившись, что все в сборе, коротко кивнул слугам:

— Ведите провинившихся.

С тех пор как Се Нань очнулся в этом мире, ему еще ни разу не доводилось видеть второго и третьего молодых господ семьи Лу. Но стоило им переступить порог, как у него закралось сомнение: тех ли людей привели? Настолько жалко и изнеможенно они выглядели.

Изможденные лица с резко очерченными скулами, потухшие, ввалившиеся глаза, искусанные до крови бледные губы... Ноги братьев дрожали так сильно, что они едва держались на ногах, виснув на руках державших их слуг. Шедшие позади жены — Ю Вэньцзин и Цай Я — выплакали все глаза, их лица опухли от слез. Видно было, что за время заточения в холодном святилище молодые люди сполна познали тяготы наказания, да и супруги их за эти дни заметно исхудали от тревоги.

"Что ж, — мысленно вздохнул Се Нань, — сами виноваты. Знали ведь, на что шли".

Сидевший рядом Лу Шэн даже не взглянул на измученных братьев. Вместо этого он украдкой понаблюдал за матерью. Заметив, как побелели ее пальцы, судорожно сжимавшие шелковый платок при виде изнуренных сыновей, он всё понял. «Сердце материнское не выдержало, — мысленно усмехнулся он. — Значит, сурового приговора сегодня ждать не стоит. Что ж, посмотрим, какую комедию они разыграют на этот раз».

Внутренне закипая от презрения, Лу Шэн, однако, ничем не выдал своих чувств и приготовился наблюдать за представлением.

Едва конвоиры довели обвиняемых до середины зала, как младший, Лу Шан, увидев старшего брата, потерял остатки самообладания. Не дожидаясь, пока заговорят старейшины, он с диким воплем рухнул на колени, подполз к ногам Лу Шэна и мертвой хваткой вцепился в полы его дорогого халата.

— Брат! Старший брат, умоляю, прости меня! Я бес попутал, я больше никогда, клянусь,

никогда не посмею! — рыдал он, размазывая слезы по лицу. — Это всё моя глупость, моя дурость! Словно затмение нашло, раз я посмел поднять руку на тебя и на невестку! Я ничтожество, брат, прости меня, пощади!.. У-у-у-у!..

Поняв, что лицо Лу Шэна остается холодным и безучастным, точно каменное изваяние, Лу Шан в панике перевел взгляд на Се Наня. Мгновенно переменив цель, он бросился к его стулу и обхватил его колени:

— Невестка! Добрая невестка, спаси меня! Замолви за меня словечко перед братом! Я виноват перед тобой, каюсь, виноват смертно!.. Пощади глупого младшего брата, умоляю тебя! Невестка!!!

Второй брат, Лу Чэн, вести себя столь унизительно не стал. Он лишь без сил опустился на холодные плиты пола и с выражением глубокого, благородного отчаяния уставился на старую госпожу.

— Матушка, прости неразумного сына... Брат, прости, я виноват перед тобой... — тихо шептал он, изливая обильные крокодиловы слезы.

Видя, как сокрушаются их мужья, Ю Вэньцзин и Цай Я тоже с тихим плачем опустились на колени. Каменные плиты безжалостно впивались в плоть, но женщины не обращали на это внимания: они прекрасно понимали, что если супругов лишат наследства или изгонят, то и их собственная жизнь превратится в сущий кошмар.

Великий суд с первых же минут превратился в балаган. Двое взрослых мужчин рыдали навзрыд, оглашая своды храма скорбными воплями. Сердце старой госпожи Лу разрывалось от жалости к сыновьям, однако в присутствии старейшин она не имела права единолично вершить их судьбу.

— Эх, сокрушаетесь теперь... А о чем раньше думали? — со вздохом произнес старейшина, сидевший во главе правого ряда. Он пользовался в роду наибольшим уважением, однако отличался излишней мягкостью. Вид плачущих внуков явно тронул его старое сердце.

— Хватит сырость разводить! Поздно каяться, когда за руку поймали. Наказание должно быть суровым, — подал голос другой старец, суровый и непреклонный второй дядя покойного главы семейства, которого младшее поколение звало Вторым дедушкой. — Старая госпожа обещала, что как только Лу Шэн придет в себя, мы разделим имущество и расселим братьев. Самое время исполнить обещанное.

При слове «раздел» в зале воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Даже старая госпожа Лу, которая сама в гневе грозила сыновьям разделом имущества, теперь безмолвствовала. Одно дело — пугать негодных сыновей в пылу ссоры, и совсем другое — действительно расколоть семью на части. Как могла ее материнская душа примириться с этим?

Заметив колебания матери, Лу Шэн мысленно усмехнулся. В этот раз он не собирался благородно отказываться от своей доли. «Хотите делить — давайте разделим», — думал он. Зато эти двое, столько лет интриговавшие ради богатств поместья Лу, наконец-то поймут, что все их старания оказались напрасными. От этой мысли на душе у него становилось на редкость легко.

— Нельзя делить поместье! — подал голос Третий дедушка. Обычно он помалкивал, но когда дело касалось чести и благосостояния рода, всегда твердо стоял на страже семейных интересов. — Если мы раздробим дело, семья Лу мгновенно лишится звания первейших богачей Цзяньнана! Наше общее дело, создававшееся трудом нескольких поколений, просто пойдет прахом, а лавки и земли растащат чужаки!

Эти слова тяжелым грузом легли на плечи присутствующих. Слишком много нитей связывало огромное состояние семьи Лу. Раздел имущества — красивая сказка, но на деле всё было куда сложнее, чем казалось на первый взгляд.

<http://bllate.org/book/20305/2145623>